

ГНОСТИЦИЗМ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ¹

В своем докладе я предлагаю «неклассическое» понимание истории европейской философии, основания которого можно найти еще в XIX в., в сочинениях Шопенгауэра, Достоевского, Ницше, Бергсона. В этой связи изучение взаимодействия гностицизма и христианства как мировоззренческих позиций (по крайней мере, до XIX в.) оказывается принципиальным для понимания истории всей европейской философии. Опираясь в докладе я буду на мнения специалистов, главным образом, Дмитрия Алексева, переводчика с коптского языка гностических текстов.

Каким образом историю философии можно связать с гностицизмом? Дело в том, что если мы пытаемся понять историю европейской философии, то должны начинать с христианства, поскольку европейская философия имеет христианские мировоззренческие основания. Однако мы не знаем трагической истории христианства, существующая история полна стереотипов и откровенной лжи, и это понятно, ведь история христианства – это история борьбы церкви с ересями.

На самом деле в истории мы имеем не одно, а два христианства, две его формы, и вся европейская философия есть по сути попытка экспликации либо одной, либо другой из этих форм. Нужно говорить не о материализме и идеализме, рационализме и эмпиризме и т.п. в европейской философии, а о двух моделях христианства как самом главном в ней.

Важнейшее событие для понимания этого различия произошло в 140 г. н. э. – это появление Маркиона в Риме. Маркион предъявляет древние христианские документы: Евангелие Господне и послания апостола Павла, которые не соответствовали тому, чему в то время учила христианская церковь. По сути, Маркион обвиняет римскую церковь в том, что она исказила учение Иисуса Христа. Официальная точка зрения такова: Маркион – еретик, его документы подделаны с целью основать новую школу, новую церковь. Но я считаю, что церковная точка зрения не выдерживает никакой критики: ни текстологической, ни исторической, ни филологической, ни даже психологической. Трудно поверить, что он взял Евангелие от Луки и сократил его до своего, и исказил послания апостола Павла. Я считаю вполне обоснованной гипотезу, что Маркион имел подлинный древний и еще неискаженный христианский текст. Чтобы защитить себя, римская церковь объявила Маркиона, человека из уважаемой христианской семьи, еретиком. Этот факт показывает, что уже обозначилось два направления в интерпретации христианства: официальное, которого придерживалась римская церковь и которое в итоге стало тем христианством, которое мы знаем, и то, которое защищал Маркион, исходившее из подлинных текстов, неизвестных нам в адекватной форме. Именно в то время для нейтрализации выступлений Маркиона и были написаны три синоптических евангелия. Таким образом, они должны датироваться не I в. н. э., а 140-ми гг. Мы можем также утверждать, что Евангелие от Иоанна, гностическое по сути, самое древнее, так как имеется его фрагмент более ранний, чем выступление Маркиона.

---

¹ Автор доклада – Евлампиев Игорь Иванович, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии философского факультета СПбГУ. Доклад был прочитан в рамках тридцатого семинара ЦИЭМ 28.02.2012 г. Текст доклада расшифрован Я. Лучшевой, отредактирован С. В. Пахомовым и размещен на сайте ЦИЭМ в июне 2012 г. с согласия автора.

Я не буду излагать многие нюансы этой гипотезы, которая мне кажется достаточно аргументированной, в пользу Маркиона, но покажу принципиальную разницу, идейную, двух форм учения. Римские иерархи синтезировали учение Иисуса Христа с Ветхим Заветом, а в текстах, предъявленных Маркионом, господствовала антииудейская тенденция. Иудаизм – религия закона, религия человека, отделенного от Бога, а новая религия, религия Иисуса Христа, предлагала единство Бога и человека, утверждала божественную природу человека. Это главное в гностицизме: гностицизм отталкивается от того, что в человеке заложена искра божья, которую человеку нужно раскрыть и стать по-настоящему божественным существом. То есть в этом учении видна радикальная концепция единства человека с Богом. Почему она не подходила церкви? В общем-то из-за того, что это очень сложное учение, элитарное, а историческое христианство победило именно тем, что сделало свое учение массовым. Эта популяризация учения произошла после его синтеза с иудаизмом, внедрением двух важнейших идей из иудаизма, а именно:

1) идеи закона, послушания; у церкви была политическая задача – удержать распадающееся античное общество, а религия, которая основывается на законе, имеет более властный характер,

2) идеи греха, отделившей человека от Бога; человек богоподобен, но не божественен по существу.

Таким образом мы видим здесь абсолютно разные антропологические концепции, и для философии это различие принципиально.

Две ветви христианства – это догматическое, или церковное, христианство, и гностическое, или духовное. В гностическом христианстве понимание Бога-Отца совершенно иное, чем в церковном. Здесь присутствует парадоксальная идея, идея неудачи акта Творения, поскольку Бог породил мир не сам, а создал второго бога, Демиурга, который, в свою очередь, создал злой мир. В историческом христианстве Бог всемогущ – это главная идея – Творение удалось, все было предусмотрено, в том числе и грехопадение. Для человека это означает, что реальной истории нет как таковой. Один из стереотипов как раз заключается в том, что идея истории появилась в христианстве, но на самом деле там ее нет, есть только идея конца истории. Для всемогущего Бога все открыто, поэтому никакого исторического деяния для человека не задано, человек ничего не способен совершить в истории. В гностицизме же неудача Творения приводит к тому, что все непредсказуемо, значит, и для нас остается некое поле свободного деяния в открытой истории мира. Более того, в гностическом христианстве именно человек – главная сила в истории, ведь в нем есть божественная искра. Впервые это высказал Иоахим Флорский в XII в. в связи с идеей о трех эпохах истории: эпохи Отца, эпохи Сына и эпохи Святого духа. В эпоху Святого духа человек становится равным Богу, получает абсолютное творческое могущество, способность влиять на мир и историю. Именно это стало основой современной идеи открытой истории, и эта идея берет исток от Иоахима Флорского, от гностиков, а не от исторического христианства.

Это ведет к тому, что в философии по-разному воспринимается идея времени. В XX в. одним из важнейших новшеств было то, что время приобретает метафизический статус. У Бергсона и Хайдеггера эмпирическое время становится главной метафизической характеристикой бытия, Абсолюта. Это гностическая тенденция. В историческом же христианстве Бог существует вне времени как завершенное целое. Если в Боге нет ничего нового, становящегося, творческого, то тем более этого нет и в человеке. Вот совершенно различные антропологические концепции, возникшие на основании двух парадигм христианства. И на протяжении всей европейской истории проходит борьба этих двух форм христианства и двух соответствующих философских парадигм. Повторю, что я придерживаюсь гипотезы о том, что духовное христианство восходит к учению Иисуса Христа, а историческое есть его искажение, связанное с двумя основными концепциями Ветхого Завета – концепцией греха и идеей закона.

Итак, перейдем к истории европейской философии. В Средние века линия духовного христианства может быть не столь очевидна, поскольку догматическое христианство на первый взгляд победило его, но есть ряд мыслителей, которые все же попадают в гностическую парадигму: упомянутый Иоахим Флорский, Иоанн Скотт Эриугена и, в общем, вся мистическая традиция, мистический пантеизм. Кроме того, сюда можно отнести и некоторые массовые движения: катары, альбигойцы, например.

В борьбе двух форм христианства можно выделить два кульминационных момента.

Первый – это эпоха Возрождения. Возрождения, как принято считать, есть обращение к античному идеалу красоты. По сути, принято считать, что это некое дистанцирование от христианства, некая секуляризация культуры. Секулярная тенденция исходит именно отсюда – таково традиционное мнение – здесь начало антихристианского кризиса европейской цивилизации. Но это ложь. Как бы это ни парадоксально звучало, эпоха Возрождения «не удалась» и европейская цивилизация в XVII в. вернулась на средневековые рельсы, если процитировать В.Бибихина. Дальше я буду пользоваться его концепцией, изложенной в книге «Новый ренессанс». Бибихин считает, что Возрождение надо начинать с Данте, то есть раньше почти на 100 лет, чем это принято; обратите внимание, что Данте в парадигму возвращения к античному идеалу совсем не укладывается. Более того, говорить о том, что Возрождение привело к кризису церкви – нелепо. Наоборот, кризис церкви вызвал Возрождение, это есть попытка гуманистов возродить античное, подлинное христианство. Деграция духовности в культуре была вызвана искажением христианства, которое необходимо было спасти возвратом к истокам. Бибихин повторяет аргументы Вл. Соловьева из работы «Об упадке средневекового мирозерцания». Соловьев пишет об упадке христианства из-за того, что оно, по сути, неправильно устроено. Христианская церковь, как он говорит, паганизировалась, допустив в себя языческие элементы, которые подчинили ее себе. В IV в. произошла массовая евангелизация которая, по сути, ликвидировала подлинное учение Христа, заменив его неким суррогатом, который дальше и существовал в истории, не ведя человека к духовности, в то время как подлинное христианство – это жизнь в духе. Бибихин пишет: «Всякое вообще учение может содержать в себе незаметные ростки порчи. Оно может оказаться нежизнеспособным и по причине своего бессилия невинным в повороте событий. О христианстве не скажешь ни того, ни другого. Его корни ясны, и оно проявило незаурядную действенность. Тем не менее все вызванное к жизни им и благодаря развязанной им энергии оказалось противоположно его первоначальному замыслу. Беда не в евангельском благовестии самом по себе, а в его нечеловеческой, невыносимой высоте. Боговоплощение, церковь как тело Христово, христианская жизнь в истине и любви, если они до конца поняты и приняты, предъявляют человеку настолько предельное требование, что оно не поддается привычному определению <...> Церковное христианство уже со II века, тем более позднее, имело очень мало общего с этим изначальным <христианством>» (Бибихин В.В. Новый ренессанс. М., 1998. С. 206). Далее: «Церковь охотно подменяет своей священной утварью реальное присутствие Святого Духа в земном мире, крещение в духе – крещением в воде, участие в истории богочеловеческих отношений – участием в обряде и т. д. Языческая мысль, восточная мистическая религиозность совратили церковь, когда, поддавшись соблазну успеха, она после «обращения» Константина начала массовую евангелизацию. <...> Для рядового верующего крещение и посещение храма стало достаточной аттестацией, тогда как во времена Христа и апостолов малое стадо христиан, не смущаясь своей малочисленностью, тревожилось только о чистоте веры. <...> Когда христианами становятся все, это понятие опустошается. С христианством произошел тот же социологический казус, что и со всеми элитарными движениями. Хлынувшая потоком масса паганизировала церковь <...>» (Там же. С. 226-227). «Возрождая древность, поэтико-философская мысль через голову средневекового возвращалась к раннему, античному христианству. Она поэтому нередко оказывалась ближе к подлинной

христианской традиции, чем церковные идеологи, и уверенно искала спора с этой последней, чувствуя, что превосходит ее в верности ее авторитетам. <...> Спецификой Ренессанса было не восстановление античной культуры в ее музейном виде, а ее новое сращение с христианством <то есть, христианизация культуры – *И. И.*> <...>» (Там же. С. 337). Суть того преобразования общества и культуры, которое намечалось в деятельности Данте, Петрарки и Боккаччо, заключалась в том, чтобы «поэт и философ, вместо священнослужителя и богослова, стал пророком Запада» (Там же. С. 346). То есть гуманисты искали нового христианства, в котором главное – творчество, раскрепощение божественных сил человека, а не формальный обряд и послушание. Еще одна выразительная цитата: «...с самого начала через все ступени отношений между ренессансной культурой и церковью неизменной проходит уверенность поэта, художника, ученого, что вдохновение, самопознание, духовное усилие лучше отвечают смыслу христианства, чем обряд, ритуал, культ, т. е. уверенность, что христианство в своей сути не религия» (Там же. С. 358). «Не религия» в смысле формальной обрядовости, так как подлинное христианство – это жизнь в духе. Еще одна парадоксальная мысль Библина, заключается в том, что Возрождение не удалось, этот феномен окончился трагически, т. е. церкви удалось побороть его с помощью Контрреформации и Реформации. Реформация и Контрреформация – одно движение, действующее в направлении подавления импульса возвращения к подлинному христианству. Так европейская цивилизация была возвращена на средневековые рельсы. Кризис, который дальше европейская цивилизация испытывала и кульминацией которого является XVIII в., обусловлен именно этой победой церкви над Возрождением. Свасьян, известный комментатор Ницше, в книге «Становление европейской науки» показывает, что материализм XVIII в. – это точное порождение католической церкви. Софийский собор в IX в. объявил несоответствующим истине учение о «трихотомии»: церковь отвергла дух и признала, что человек состоит только из тела и души, а не из тела, души и духа. Связь человека с духом была оборвана. Удаленность от Бога и материализм после этого были неизбежны.

Следующий мой тезис таков: Николай Кузанский – величайший гностический мыслитель, его концепция есть адекватное выражение концепции гностического христианства, несмотря на то, что Кузанский – кардинал, папский легат. Даже концепция Иисуса Христа у него абсолютно гностическая: Иисус – человек, который достигает божественного совершенства. Именно Кузанский обусловил все величайшие достижения европейской философии в Новое время.

Следующий этап развития европейской философии, новоевропейский рационализм, по сути, есть возрождение Средневековья. Для меня Беркли, сенсуалист, и Декарт, рационалист – единомышленники. Нет существенной разницы между эмпиризмом и рационализмом, так как в конечном счете не столь важно, как мы познаем, гораздо важнее вопрос о том, как нужно жить. Оба философа работали в парадигме церковного христианства, оба исходили из того, что человек – ничто перед Богом. Оппонентом же им был Лейбниц, в его философии можно увидеть элементы гностического христианства: монада находится на пути прогресса, каждая монада станет Богом. Таким образом, нет границы между человеком и Богом. Хотя весь европейский рационализм, в его господствующей тенденции, основан на том же принципе, что человек – ничто перед Богом. Но Лейбниц отклоняется от этой парадигмы.

Затем происходит новая революция, формально она связана с рождением неклассической философии, но реально ее начало лежит еще раньше. Немецкая классика от Канта до Гегеля постепенно развивает гностическую тенденцию. Здесь для меня важен Фихте. В чем задача философии Фихте? – Доказать «сущностное тождество Бога и человека», по его собственным словам. Он пишет: «По нашему мнению, существуют две в высшей степени различные формы христианства: христианство Евангелия Иоанна и христианство апостола Павла, к единомышленникам которого принадлежат остальные евангелисты, особенно Лука. Иисус Иоанна не знает иного Бога, кроме истинного Бога, в

котором мы все существуем, живем и можем быть блаженны и вне которого – только смерть и небытие, и (прием вполне правильный) с этой истиной он обращается не к рассуждению, а к внутреннему, практически пробуждаемому чувству истины в человеке, не зная никаких других доказательств, кроме этого внутреннего» (Фихте И.Г. Основные черты современной эпохи. СПб., 1906. С. 87-88). То есть у нас должно быть внутреннее чувство жизни в Боге, единство с Богом. Это самое главное у Фихте, и это он находит в Евангелии от Иоанна, в самом гностическом Евангелии из всех канонических. Три других Евангелия во главе с Евангелием от Луки представляют другое христианство – и это чувствует Фихте. Далее он уточняет: «Не существует решительно никакого бытия и никакой жизни, кроме непосредственной божественной жизни. В сознании <...> это бытие многообразно скрывается и замутняется; но оно выступает вновь – свободным от всех этих покровов и модифицированным только одною лишь формой бесконечности – в жизни и действии покорного Богу человека. В этом действии действует не человек, но сам Бог, в своем изначальном внутреннем бытии и существе, действует в нем и соделывает через человека дело свое» (Фихте И. Г. Наставление к блаженной жизни. М., 1997. С. 75). Так в европейской философии происходит осознание двух линий христианства. Конечно, наиболее открыто это мысль высказывается позже, в неклассической философии.

С моей точки зрения, Ницше – глубоко христианский мыслитель, он проникнут христианским духом, однако, не тем, который господствовал в церкви. Ницше глубоко переживает трагедию гибнущей европейской культуры, и он понимает, почему она гибнет: она гибнет в силу ложного христианства. Он восстает не против христианства как такового. Его «Антихрист» – это не хула, а хвала Христу. Ницше интересуется только подлинный, неискаженный образ Христа, но здесь интересно, откуда он этот образ берет. Записные книжки Ницше полны цитат из романа «Бесы» Достоевского и работы «В чем моя вера» Л.Толстого. Христос Ницше – это подлинный Христос, который может быть найден в Евангелии от Иоанна и в Евангелии от Фомы. Ницше разводит Христа и церковь. Самое главное, что он видит в Христе, это жизнь в духе, отсутствие границы между Богом и человеком. Приведу несколько очень выразительных цитат: «Он говорит только о самом внутреннем: “жизнь”, или “истина”, или “свет” – это его слово для выражения самого внутреннего; всё остальное, вся реальность, вся природа, даже язык, имеет для него только ценность знака, притчи» (Ницше Ф. Антихрист // Ницше Ф. Соч. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 658). То благовестие, которое принес Христос – это знание об особом внутреннем состоянии человека, делающим его совершенным, абсолютным. Смысл этого внутреннего состояния Ницше поясняет таким образом: «Во всей психологии Евангелия отсутствует понятие вины и наказания; равно как и понятие награды. “Трех”, все, чем определяется расстояние между Богом и человеком, уничтожен, – это и есть “благовестие”. Блаженство не обещается, оно не связывается с какими-нибудь условиями: оно есть единственная реальность; остальное – символ, чтобы говорить о нем» (там же. С. 658-659). Вот подлинное христианство: Царствие Божие здесь, на земле, сейчас. В этом моменте «теперь и сейчас» мы должны раскрыть в себе это абсолютное начало, войти в духовную жизнь. В этом смысл учения Христа, а не в идее неискоренимого греха и не в посмертном воздаянии. Ницше излагает гностическое христианство. Ницше подчеркивает, что Царство Небесное есть внутреннее состояние самой личности: «Ничего нет более нехристианского, как церковные грубые понятия о Боге как личности, о грядущем “Царстве Божьем”, о потустороннем “Царстве Небесном”, о “Сыне Божьем”, втором лице св. Троицы <...> А между тем очевидно, как на ладони, что затрагивается символами “Отец” и “Сын”, – допускаю, что не на каждой ладони: словом “Сын” выражается вступление в чувство общего просветления (блаженство); словом “Отец” – само это чувство, чувство вечности, чувство совершенства <...>. “Царство Небесное” есть состояние сердца, а не что-либо, что “выше земли” или приходит “после смерти”. В Евангелии недостает вообще понятия естественной смерти: смерть не мост, не переход, ее нет, ибо она принадлежит к совершенно иному, только кажущемуся, миру, имеющему

лишь символическое значение. “Час смерти” не есть христианское понятие. “Час”, время, физическая жизнь и ее кризисы совсем не существуют для учителя “благовестия” <...> “Царство Божье” не есть что-либо, что можно ожидать; оно не имеет “вчера” и не имеет “послезавтра”, оно не приходит через “тысячу лет” – это есть опыт сердца; оно повсюду, оно нигде <...>» (там же. С. 660). И далее: «В словах, обращенных к разбойнику на кресте, содержится все Евангелие. “Воистину это был Божий человек, Сын Божий!” – сказал разбойник. “Раз ты чувствуешь это, – ответил Спаситель, – значит, ты в Раю, значит, ты сын Божий”» (там же). Рай находится здесь, в твоём собственном существовании – даже на кресте. Христос жил, пишет Ницше, «не для “спасения людей”, но чтобы показать, как нужно жить» (там же). Таким образом, Голгофа не важна, и это абсолютно гностический ход, ведь в гностицизме искупление не нужно, поскольку греха нет. Голгофа означает только путь страдания, через которые каждый человек выходит к совершенству, к божественному содержанию. «До бессмыслицы лживо в “вере” видеть примету христианина, хотя бы то была вера в спасение через Христа; христианской может быть только христианская практика, т. е. такая жизнь, какую жил тот, кто умер на кресте <...> Еще теперь возможна такая жизнь, для *известных* людей даже необходима: истинное, первоначальное христианство возможно во все времена. Не верить, но делать, а прежде всего многого не делать, иное бытие <...>» (там же. С. 663). Здесь Ницше пишет о себе, считает такую практику необходимой для себя, а его работа является абсолютно христианской, просто в ней точно различены два направления в христианстве.

Я хотел бы сказать несколько слов и о русской философии. Я считаю русскую философию насквозь гностичной. Искание подлинного христианства является главной темой русской философии, начиная с Чаадаева. Христианство, по Чаадаеву, – это осознание силы единения бытия, некая философская концепция, понимание единства бытия. У Чаадаева мы видим оригинальную антропологию, он утверждает, что человек – это божественное существо, бог, но тварный.

Люди сами ограничивают себя во времени и пространстве только для того, чтобы быть непохожими на других, – в нас победила сила разъединения. Если мы осознаем пагубность этой практики, то сможем вернуться к единению друг с другом и раскроем в себе бесконечность.

Второй пример – Хомяков. Я приведу две цитаты из его сочинения «Церковь одна», где он утверждает, что есть некая мистическая Церковь, которая объединяет всех людей. «Единство Церкви следует необходимо из единства Божьего, ибо Церковь не есть множество лиц в их личной отдельности, но единство Божией благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати» (Хомяков А. С. Работы по богословию // Хомяков А. С. Соч. В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 5). То есть мы буквально пронизаны божественной благодатью. «Церковь и ее члены знают, внутренним знанием веры, единство и неизменность своего духа, который есть дух Божий» (там же. С. 6) «Церковь живет даже на земле не земной, человеческой жизнью, но божественной, благодатной. Поэтому не только каждый из членов ее, но и вся она торжественно называет себя святою» (там же. С. 18). Здесь мы не видим никакой дистанции между Богом и человеком – совершенно гностическая тенденция и у Хомякова.

О гностицизме Соловьева и говорить и не стоит – об этом написаны тома. Для меня же центром всей русской философии является фигура другого важного мыслителя –

Ф.Достоевского. По моему мнению, он – величайший гностический мыслитель. Вспомним историю Кириллова, который может быть понят как новый Иисус Христос, несмотря на то, что многие в романе считают его атеистом. Бога нет, но Бог должен быть, говорит Кириллов, следовательно, искать его нужно в себе.

Надо сказать, что в развитии этой философской традиции есть явная преемственность, показывающая, что это именно традиция, глубоко укорененная в европейской культуре. Легко просматривается влияние Фихте на Достоевского, идей Достоевского – на Ницше. В этом смысле два гения смотрели в одном направлении. «Антихрист» Ницше – парафраз истории Кириллова.

Кульминацией понимания образа Иисуса Христа у Достоевского является видение Алешей Карамазовым евангельской сцены пира в Кане Галилейской, где Христос превратил воду в вино. Это первое чудо, которое сотворил Христос, причем это чудо направлено на то, чтобы принести людям земную радость. Можно заключить, что главное понятие в философии Достоевского – это радость, понятая как некая полнота бытия, которую человек в себе раскрывает, становясь абсолютным, бесконечным существом. Алеша говорит, что не «жертва великая» есть главное в учении Христа, а радость. Он противопоставляет Голгофу идею радости, которую принес Иисус. Это гностическое христианство, в котором нет греха, и тут Христос – прежде всего образец полноты божественного в человеке, тогда как в церковном христианстве главной является именно идея Голгофы. Христос Достоевского – носитель вечной жизни, божественной радости. В такой интерпретации Достоевский – представитель гностического христианства. И я убежден, что все самое интересное в русской философии связано с поисками именно гностического христианства.

***

Вопросы и ответы

Вопрос: Гностицизм – это неприятие существующего мира в принципе, как вы соотнесете изложенные вами идеи с этим принципом?

Ответ: Я считаю, что это стереотип в понимании гностицизма. Аскетизма в историческом христианстве было не меньше, чем в гностицизме. Это общая черта раннехристианских движений. По этому критерию нельзя провести черту между церковным и гностическим христианством. Гностицизм есть особое состояние личности в духе. Никакого отношения к абсолютному неприятию мира гностицизм не имеет, вспомните Николая Кузанского, который, как я показываю, является гностическим мыслителем, вспомните эпоху Возрождения.

Вопрос: Но каковы основания такого стереотипа? Альбигойцы, скажем, ничего общего с радостью от мира не имеют.

Ответ: Радость переживания своего божественного состояния может быть разной. Здесь есть некий субъективизм в оценке. Также в любом религиозном движении есть отклонения, искажения. Но отклонения не говорят о том, что суть неверна.

Вопрос: Не лучше ли говорить не о линии преемственности, начиная со II века, а скорее о наличии идей, витающей в воздухе, отличных от традиционных церковных идей, которые принял и гностицизм. Стоит ли говорить, что это именно гностицизм, а не просто реакция на традиционную церковь?

Ответ: По-моему, было бы неверно принять предлагаемую вами точку зрения. Я специально приводил примеры Ницше и Фихте, которые обращаются прямо к

Евангелиям. Даже в Новом Завете можно вычитать две линии христианства. Мыслители, которые об этом пишут, пытаются встроить себя в ту традицию, которая идет прямо от Иисуса Христа.

Хотя здесь возникает вопрос о том, что сам мыслитель считает главным в своем творчестве. Наша оценка может с его оценкой не сходиться. Так, например, Ницше о гнозисе не говорил ни слова, но я считаю его значительным гностическим мыслителем.

Вопрос: Гностицизм бывает не только христианским, то же манихейство, к примеру. Внутри самого гностического христианства можно найти много несогласного друг с другом. Но, в основном, гностики прославились уходом от мира, и поэтому радость, которую должен чувствовать человек, радость вне мира, вне его пределов. Гностики известные дуалисты. Концепция, которую Вы излагаете, больше похожа на герметизм. Это тоже стереотипы?

Ответ: Возможно, здесь действительно было бы лучше отказаться от термина гностицизм и использовать только термин «гностическое христианство». В рамках той гипотезы, которую я высказал, гностицизм был изобретен церковью и приписан Маркиону. Гностицизм начал жить своей жизнью и, развиваясь, ушел от истоков далеко. В этом смысле я говорю не столько о гностицизме, сколько о наличии в истории европейской культуры двух принципиально разных форм христианства, причем одно восходило к учению Иисуса Христа с очень понятной антропологической теорией, а второе является искажением этого учения. Именно анализ истории философии позволяет выделить две такие парадигмы культуры.

Вопрос: Какие искажения были внесены в Евангелия?

Ответ: Я предлагаю за более детальным описанием этого вопроса обратиться к предисловию книги «Евангелие Истины», где собраны переводы известных гностических текстов. В этом предисловии переводчик Дмитрий Алексеев виртуозно излагает все аргументы в пользу высказанной мною идеи об искажении учения Иисуса Христа в историческом, церковном христианстве.

Вопрос: Как вы считаете, понятия гнозиса и неоплатонизма связаны каким-либо образом? Можно ли считать гностиком Джордано Бруно?

Ответ: С историко-философской точки зрения это действительно важный вопрос. Действительно, Николай Кузанский, Бруно традиционно описываются как возрожденческие неоплатоники. В неоплатонизме и гностицизме, о котором я говорил, конечно, есть переплетения: это мистицизм, прежде всего, и мистический пантеизм. Однако принципиально то, что в неоплатонизме нет такого антропоцентризма, как в гностическом христианстве. В этом смысле неоплатонизм можно рассматривать, как и всю античную философию, в качестве некоего материала для последующей христианской философии. В том же Николае Кузанском много от неоплатоников, но я бы назвал его сначала гностиком, а потом человеком, который использует парадигму неоплатонизма. Это парадигма близка гностицизму, но в ней нет главного – личности в христианском смысле.